

Диана КАН

СУДЬБЫ ЛИРИЧЕСКИЙ ПОДСТРОЧНИК

***

Мы пока с тобой помолчим об этом...
После битвы-молитвы поделимся в stori?
Как икс-игрек вдруг обернулись Зетом
И красуются рядом – да-да! – на заборе.
Без икс-игрека сложно войну осилить.
Не считай икс-игрек презренным матом:
В сорок первом с ним в атаку ходили
Наши деды, вырвав чеку гранаты.
Если ты родился на свет поэтом,
Да не просто поэтом – поэтом русским,
Ты поймёшь, что мы зачеркнули Зетом
Европейские пошлые перезагрузки.
Если ты родился на свет человеком,
А не суетно либеральным фигляром,
Поневоле становишься вещим Олегом,
Чтоб отмстить неразумным новым хазарам.
И пусть песня Победы ещё не спета,
И ещё Христос попускает Иуде...
Мы с тобою поэты эпохи Зета –
Несмотря ни на что – счастливые люди!

***

«...Я простой советский парень,
Не был раньше в высшем свете...» –
Скромно отвечал Гагарин
Королеве на банкете.

«Ложки-вилки справа-слева...
Политесам не обучен...»
Улыбнулась королева:
«Да и я немногим лучше!

Что нам правила some time?*

Чувствуйте себя, как дома.
И давайте поболтаем,
Словно мы сто лет знакомы...»

...Эх, девчата! Без обиды –
Будь студенткой в скромном ситце,
Джиной будь Лолобриджидой –
Ты обречена влюбиться.

Будь ты королевой даже,
Позабудешь про приличья.
Станет протокол неважен
И дресс-коды безразличны.

Рядом с ним себя любая
Ощущает поневоле,
Долю бабью забывая,
Королевой и звездю!

Но ему опять неймётся...
Озаряя мир улыбкой,
Он взлетит навстречу солнцу
И – попробуй, удержи-ка!

*Примечание: sometime – иногда (англ.)

***

*Светлой памяти поэта-фронтовика
Ильи Семёновича Павлова*

Не дезертиров, не вредителей –
В России судят победителей.
В патриотическом поту
Анафематствуем: «Ату!»

Ату их, бравших Будапешт,
Тупое скопище невежд.
Без них мы б пиво пить могли -
Баварское, не Жигули!

Он Зальцбург брал, он брал Берлин!
Не фронтовик, а сукин сын.
О внуках разве думал он,
Подняв в атаку батальон?

Он, бравший Секеш-вехер-вар,
Всех нас подставил под удар.
С тех пор ни внук его, ни сын
Не знают вкус венгерских вин.

...Но не моги шепнуть «ату»
Тому, кто брал Алма-ату.
И кто на штык освоить мог
Заветный тыловой паёк.

...Прощать уродов не впервой.
Прости меня, мой дед-герой.
Цивилизованно живём.
Баварское в России пьём.

Но что-то, братцы, без обид -
С баварского меня мутит.
И как то тянется рука
К холодной трезвости курка.

***

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич,
И превратилась хрущёвка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идёт в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка средь суеты загрустит:
В храм бы, да вот искушает нечистый.
Дедушка в храм ей идти не велит.
Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.

ИСТИНА ШУКШИНА

Мы все – немного чудики.
А ты у нас – один!
Нам истину на блюдечке,
Преподнеси, Шукшин!

Она, по-русски ёмкая,
Необходима нам.
И с голубой каёмкою,
Конечно, по краям.

Её ты в муках выстрадал,
Когда ночей не спал.
Но неподкупной истины
Язвительен оскал.

В порыве откровения
Ты нам её изрек
В угрюмом окаймлении
Сибирских вольных рек.

...Пока молчим растерянно,
Над ней глумится враг...
Подарена... Потеряна!..
А без неё – никак!

***

Татарник да вишарник –
Заброшенная дача.
Не будь неблагодарным,
Взгляни на мир иначе!

Всяк, в этом мире сущий,
Своей свободой дышит –
Сорняк дикорастущий,
Что опекаем Свыше.

Всё, битое судьбою –
Не скопище заброшек,
Включая нас с тобою
И всех бродячих кошек.

Вишарник в небо рвётся.
Татарник небом дышит.
И пьяный бомж смеётся,
Закусывая вишней.

***

Россия окаянная,
Себе же на беду –
У рьяного Ульянова
Идёшь на поводу.

Лентяя он не празднует –
Нежданный этот гость.
Наивная напраслина –
Помилует, авось!

Тебе он пустит кровушку,
Он жалости неймет.
Последнюю коровушку
С подворья прочь сведёт.

Но не отринешь совести,
Хоть рублена с плеча.
Братоубийства болести
Молитвою леча.

...Дороженьку унылую
Протопчешь на погост.
...Зато увидишь, милая,
Как внук взлетит до звёзд.

***

Ей не впервой по осеням невеститься,
Ведь за погляды денег не берут,
Не призывая на себе повеситься
По автострадам мчащихся иуд.

Ты можешь кипятиться, спорить, ссориться,
Но разве не иуды ты и я,
Сбежавшие когда-то в мегаполисы
От сельского наивного житья?

Полным полно таких по мегаполисам
Серебренникам скорбный счёт ведут...
За нас она и кается, и молится,
За нас, за неприкаянных иуд.

Она дрожит, не злясь на нас нисколечко.
Невинная – исполнена вины!
И добавляет терпкой зябкой горечи
В осенние пророческие сны.

И жарко закипают богоданные
Предательские слёзы на щеке,
Когда осина, солнцем осиянная,
Сгорает на осеннем сквозняке.

***

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам – повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..»

Но и он себе ведаёт цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, степенный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

***

Презрев балады, саги, оды
И обездоленную Русь,
Штудирую гражданский кодекс
Не абы как, а – наизусть!

Сутяжники и кверулянты
Его толкуют вкривь и вкось -
Все те, кто обделён талантом
И на талант лелеют злость.

Живи на свете, как угодно.
Будь вдохновен и знаменит.
Но помни – их гражданский кодекс
Тебе презренья не простит.

Изображая неподкупность,
Разводят толки за спиной -
Толкут гнилую воду в ступе
За наименьшем ключевой.

Судилища да пересуды
Среди излюбленных утех.
Христами мнят себя Иуды,
Шалавы порицают грех.

Здесь я прошла злословья школу
Вживую – вовсе не из книг...
«Подонки!» – крикну для прикола.
Все обернутся в тот же миг!

***

Любить сентябрь – опасное искусство –
Взасос, взахлёб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень – очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы – по золоту ступаем,
Ещё навзрыд не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблоч летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небыль,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
Душе поэта света и тепла,
Чтоб эту беспросветную награду
Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
Степных небес венчальный окоём.
Горит судьбы лирический подстрочник
Неугасимым пушкинским огнём.

***

Дурак дурака видит издалека.
Вор видит вора, поэт прозревает поэта.
Бездарь на бездаря не поглядит свысока...
Видим друг друга по непостижимым приметам.

Воры при деле и бездари все при чинах.
Мерзость, в причины которой не стану вдаваться.
Ну, а собратья-поэты витают в заоблачных снах,
Чуждые скрипу нотаций и звону овец.

Светский приём или великосветский сходняк –
Не изменить место встречи поэтов в России.
Вновь мы встречаемся не абы с кем абы как –
А потому что сюда нас с тобой пригласили.

...Богopodobие – самый священный закон
В мире, где люди, любя, убивают друг друга.
Льют покаянные слёзы у кровоточащих икон,
Не покидая при этом порочного страшного круга.

Вечной поэзии вещей горячечный бред
Нам повествует об этом всё тише и горше...
Из целой толпы чужих я узнаю тебя, поэт,
И ты улыбнёшься ответно мне, как заговорщик.

***

Жизнь, что казалась жуткой,
Вдруг оказалась шуткой –
Кроткой улыбкой Бога,
Что пошутил немного.
Стерва – любовь земная! –
Не подарила рая.
Женское счастье, где ж ты?
Тают в ночи надежды!
Что там ещё осталось?
Мудрость? Такая малость...
Теплится сквозь химеры
Вербная ветка веры.
Всё, что ждала всерьёз ты –
Вылечат вербохлёсты...
... Бог обещал спасенье
В Светлое Воскресенье!

Над станицей гуляют зарницы
Не боятся в ночи заблудиться
Озаряют амбары и грабли,
И крылатый колодец-журавлик,
Что навеки повязан с землёю,
Хоть о небе тоскует порою...
Озаряют пространства темницы
Загулявшие эти зарницы.
Синяки озаряют на лицах
Тех, кто в грабли опять оступился...
Озаряют попутно погосты –
И кресты на могилах, и звёзды...
Но однажды шальные зарницы
Забредают к влюблённым на лица...